

— Э-э-э! — Староста прервал его, не дав договорить. — Брось ты эти церемонности, говори прямо. Чем могу — помогу.

Когда староста держал марку, он казался суровым и непреклонным стариком. Цзи Жань и представить не мог, что тот окажется столь простодушным. Раз уж слова сказаны, тянуть дальше было бы не по-мужски.

— Тогда напрямки и скажу. — Цзи Жань выложил:

— Пришёл я, почтенный староста, насчёт земли покупкой поговорить.

— О? — Услышав о желании купить землю, староста изумился. Он-то знал, в каком положении Цзи Жань пребывал и как в семью Лу попал. Не ожидал, что всего через несколько дней у того деньги на землю найдутся. Отложив палочки, он спросил:

— К югу, у излучины, есть участок под усадьбу. Правда, невелик, может, и не сравнится с нынешним твоим жильём по простору, но для одного — хватит. Место там, в общем-то, неплохое, вот только маловат участок, потому и держали в резерве. Ты...

— А нет ли участков попросторней, чтоб и округу использовать можно было? — перебил Цзи Жань.

Староста вновь опешил, но ответил:

— Коли об использовании говорить, так тот участок у излучины как раз подойдёт. Хоть сам пятачок и невелик, вокруг пустоши — земляца, может, и не тучная, но под огород для овощей сгодится.

Цзи Жань быстро прикинул в уме и спросил:

— А можно мне, почтенный, сперва взглянуть? Не то чтоб я вашим словам не верил, просто я здесь новичок, окрестности не знаю. Увижу — тогда и планировать стану.

— Ладно, после проведу, покажу. — староста согласился бодро и вновь взялся за палочки.

Отзавтракав, староста без проволочек повёл Цзи Жана к южной излучине. Всё было, как он и говорил: расположение неплохое, но площадь маловата. На глаз — разве что три комнаты поставить, на боковую пристройку и навес места не останется. Пустошей вокруг и вправду немало, да и рельеф в целом повыше. Если строить тут дом, так он прямо в ложбинке окажется.

Короче говоря, кроме ориентации по сторонам света, место так себе.

Однако насчёт пустошей староста не соврал: использовать их можно было. Если обнести всю округу, дом можно будет и расширить, и огород разбить приличный. Низкое расположение — не беда, подсыпь поднимешь. При грамотном планировании потенциал у места высокий.

Вот только работы в таком случае — невпроворот.

Цзи Жань в уме уже прикидывал и планировал, внешне же не подавал виду. Со стороны казалось, будто они просто пришли, глянули, да и ушли.

— Местечко, конечно, так себе, зато тихое. — На обратном пути староста поинтересовался:

— Ну что, Цзи-братец, как мысли?

— Если покупать тот участок, пустоши вокруг в придачу пойдут? — Цзи Жань сделал паузу, затем добавил:

— Вам, почтенный староста, моё положение ведомо: ни клочка собственной земли. Возьму хоть в аренду у помещика — один я, сил не хватит, урожая на арендную плату может и не набраться.

Староста погладил бороду, помолчал, затем кивнул:

— Если всё разом отдать, потом пересуды пойдут. Давай так: и участок под усадьбу, и пустоши в купчую включим, с тебя пять лянов серебра. Формальность, чтоб людские языки придержать. Мне сподручнее, и тебе в будущем головной боли убавится. — Видя, что Цзи Жань молчит, добавил:

— Твою нужду понимаю. Коли денег сразу нет — в долг дадим. На постройку жилья, попроще, так тридцать лянов с головой хватит. Если и этой суммы нет — я в долг дам.

Слова старосты тронули Цзи Жаня и даже смутили. Он принялся благодарить, и вскоре договорились участок покупать. От предложения занять деньги Цзи Жань вежливо отказался.

Вернувшись в дом старосты, они оформили купчую. Увидев, что Цзи Жань расплатился без задержек, староста, скрыв внешнее удивление, внутренне проникся к нему ещё большим уважением.

Земля была куплена, но Цзи Жань не спешил начинать строительство. Возведение дома — не дело одного дня, да и жильё для себя хотелось продумать тщательно, чтобы удобно было. Потому распорядок его дня почти не изменился: по-прежнему на заре уходил в горы — травы да лесные дары собирать, чтобы в городе продать, а в свободное время затворялся в комнате и обугленной палочкой на старой ткани чертил приблизительные планы строения.

Архитектором он не был, в этой области — полный профан, потому чертежи были лишь набросками, эскизами. Окончательный же план предстояло обсудить со знающим мастером.

Пока Цзи Жань корпел над этим, Лу Чжэнь безмолвно находился рядом. Тихий, он почти не напоминал о себе, и лишь когда Цзи Жань отрывался от работы, чтобы взглянуть на него или задать вопрос, тот осознавал, что не один.

— Ледник бы сделать, зимой лёд запасть, летом пользоваться. И тёплый пол тоже нужен, а то зимой зябко будет, замучаешься.

Цзи Жань бормотал себе под нос, но, сколько ни водил палочкой над тканью, так и не решил, как изобразить ледник и систему подогрева.

Лу Чжэнь, угадав его затруднение, тихо усмехнулся:

— Можешь пометки на полях сделать, мастер сам сообразит, как разместить.

— Точно! — Цзи Жань оживился. — Эх, почему сам не додумался?

Но, не успев закончить, он вновь опешил, механически подняв голову и уставившись на Лу Чжэня.

Тот приподнял бровь:

— Что такое?

— Э-э-э... Иероглифы... я не умею писать. — Что ж, студент университета, в одночасье ставший неграмотным. Цзи Жань готов был плакать.

К счастью, для бедного сироты неграмотность — норма, будь он учёным — вот это было бы странно.

Потому Лу Чжэнь не удивился. Он поднялся, встал позади Цзи Жаня, наклонился, прижавшись грудью к его спине, одной рукой оперся на стол, другой обхватил руку Цзи Жаня, держащую палочку, — полуобъятием заключив того в свои объятия.

— Ничего, я научу. — И Лу Чжэнь действительно повёл руку Цзи Жаня, выводя иероглиф за иероглифом.

Цзи Жань, застигнутый объятием врасплох, уже не думал ни о каких иероглифах. Почти машинально он повернул голову, взглянул на мужественный профиль Лу Чжэня — и застыл, заворожённый. Если анфас дышало твёрдостью и суровостью, то в профиль черты смягчались, становясь утончёнными. Спокойные глаза, сдержанная нежность — словно благородный полководец учёного толка. Как в одном человеке могли уживаться столь противоречивые черты?

Цзи Жань засмотрелся, не заметив даже, когда его отпустили. Очнувшись, он встретился с Лу Чжэнем взглядом. Уловив в его глазах лёгкую, едва уловимую усмешку, Цзи Жань, смущённо потирая нос, уже собрался отвести взгляд, как Лу Чжэнь взял его за подбородок. В следующий миг тот привлёк его к себе, и поцелуй поглотил сознание.

Главное различие между поцелуем человека и призрака — в объёме лёгких. Человеку дышать нужно, призраку — нет. Потому каждый раз Цзи Жань задышался, голова шла кругом, мысли путались. На сей раз — не исключение. Когда он, не выдержав, оттолкнул Лу Чжэня, то в смятении обнаружил: они каким-то образом уже на кровати, одежды сброшены, тела обнажены.

И когда Лу Чжэнь, прижав его бёдра, уже готов был перейти к главному, в затуманенном мозгу Цзи Жаня наконец зазвенел тревожный колокольчик. Он упёрся ладонями в мускулистую грудь Лу Чжэня:

— Э-э-э... Днём такими делами заниматься негоже... Непри... неприлично.

— Ты в таком виде — о приличиях? — Лу Чжэнь скользнул взглядом по тонкому, фарфоровому телу Цзи Жаня, из горла вырвался сдержанный, насмешливый смешок. — Супружеская жизнь — в притирке. То, чем мы занимаемся, — не поправление приличий, а взаимная шлифовка, укрепление уз.

«Притирка»... Слово было слишком образным. Мозг Цзи Жаня против воли превратил его в динамичную, бесстыдную картинку, от которой по лицу разлился жар. А некое невыразимое место и вовсе вышло из-под контроля, стремительно пробуждаясь.

В результате несколько раундов бесстыдных битв окончились тем, что Лу Чжэнь пребывал в прекрасном расположении духа, а Цзи Жань — без сил, не в состоянии с кровати слезть.

<http://bllate.org/book/16271/1464334>